

Кудрявцев О.Ф

**PRAECEPTOR EUROPAE: МЕЖДУНАРОДНЫЕ СВЯЗИ
МАРСИЛИЯ ФИЧИНО, ГЛАВЫ ФЛОРЕНТИЙСКОЙ
ПЛАТОНОВСКОЙ АКАДЕМИИ**

**(статья опубликована в изд.: Культурные связи в Европе эпохи
Возрождения. М., 2010. С. 38-56)**

Интерес к деятельности Фичино за пределами Италии проснулся довольно рано, хотя общеевропейское признание гуманист получил после публикации своих главных работ – “Платоновского богословия” (1482 г.) и переводов Платона с комментариями (1484 г.). В 1488 г. с видимым удовольствием он приводил свидетельство флорентийского богослова Павла Аттананти о том, что всю Европу заставил любить и почитать себя¹. По собственному признанию гуманиста в 1491 г., его письма имели хождение не только в Италии, но и направлялись в Испанию, Францию, Германию, Венгрию². В качестве популяризатора трудов Платона и всей, как считалось, им суммированной традиции древнего богословия Фичино привлекал к себе внимание участников набиравшего силу гуманистического движения, а также не чуждых устремлениям ренессансной культуры государей и представителей правящего класса стран заальпийской Европы. Многих из них, сумевших сблизиться с флорентийским гуманистом, даже если с ним поддерживалось только заочное общение, можно отнести к возглавляемому им философскому товариществу, известному в историографии как Платоновская академия.

§ 1. Венгрия

Самые ранние и прочные отношения установились у Фичино с людьми науки и культуры из Венгрии или с итальянцами, надолго обосновавшимися в этой стране. Первым, судя по всему, свел знакомство с Фичино Янош Варади, фигурирующий в их переписке под именем Иоанна Паннония. В послании Фичино середины 80-х гг. он вспоминал, как, прибыв в Италию, он

узнал от двух астрологов о намерении флорентийского гуманиста возродить философскую мысль древности; далее Иоанн уточнял, что еще до его приезда Фичино приступил к переводу Платона, а это означает, что на Апеннингах он появился не ранее лета 1463 г. По-видимому, между ними состоялось личное знакомство, иначе трудно объяснить, каким образом венгерский гуманист и богослов мог быть столь полно осведомлен о составе и порядке ранних трудов Фичино, о целях, обстоятельствах, сомнениях и колебаниях, которые им сопутствовали. И только на правах старого друга он мог обратиться к Фичино с предложением опасаться, как бы восстановление древних, коему был предан флорентийский платоник, не оказалось скорее суемудрием, нежели делом благочестия³.

В своем весьма пространным ответе Фичино доказывал обусловленность вышней волей его ученой миссии по возрождению древнеязыческой мудрости, панораму развития которой он обрисовал (в очередной раз) для Иоанна Паннония; более того, свою деятельность он преподносил как некое призвание, нацеленное – ни больше, ни меньше – на то, чтобы спасти христианскую религию от угроз, обусловленных распространением двух нечестивых, с его точки зрения, школ перипатетической философии – александристов и аверроистов⁴. На фоне всех других эпистол гуманиста письмо Иоанну Паннонию выделяется вполне откровенным и точным объяснением задач и смысла всех предпринимаемых Фичино трудов и поэтому может рассматриваться в качестве своего рода манифеста возглавляемого им направления мысли и ученого товарищества – Платоновской академии.

Иоанна Паннония, случается, путают с еще одним знакомым Фичино венгром, носившим сходное в латинском написании имя, - Яном Паннонием (по-латыни: *Ioannes Pannonius*), крупным церковным иерархом (епископом Печским) и известным неолатинским поэтом. Ему Фичино преподнес один из списков первой версии «Комментария на “Пир” Платона, о Любви»; в посвятельном письме, датированном августом 1469 г., флорентийский

гуманист называя его платоником, говорил о его авторитете, который должен внушить доверие венграм к писаниям Фичино, и уверял в своей любви к нему, которую, если не сможет донести письмо, засвидетельствует Петр Гаразда, “муж ученый и приятель наших друзей”⁵. Ян Панноний, в свою очередь, сделал Фичино комплимент в одном из стихотворных произведений, утверждая, что в нем живет душа Платона⁶.

Связи с венгерской интеллектуальной и политической элитой, прерванные смертью Яна Паннония (1472 г.), были восстановлены в 1477 г., когда давний друг флорентийского платоника Франческо Бандини – тот самый Бандини, который сыграл главную роль в организации знаменитого чествования Платона, будто бы описанного в «Комментарии на “Пир”...» у Фичино – обосновался при дворе Матвея Корвина⁷. Между 1477 и 1479 гг. своему сподвижнику в Венгрии Фичино направил собственное сочинение “О жизни Платона” и отдельно предисловие к нему⁸.

Через Бандини и близких к нему гуманистически образованных аристократов у Фичино сложились прочные отношения с двором короля Матвея. Венгерского монарха он восхвалял в упомянутом уже предисловии к жизнеописанию Платона за покровительство эллинской образованности, которая, изгнанная из Греции, нашла приют в Паннонии, его владениях⁹. Однако от предложения переселиться туда под покровительство Матвея, “наисиятельного короля Паннонии”, переданного ему Бандини и Николаем Батори, епископом Вацким, Фичино отказался. “Выдержать путь мне трудно, - оправдывался он в июне 1479 г. – Жить под этим небом, пожалуй, еще труднее”¹⁰. Впрочем, через несколько лет он станет предлагать Бандини и епископу Вацкому послать вместо себя (*fere alter ego*) своего родственника Себастиано Сальвини¹¹.

В октябре 1480 г. Фичино, выполняя, по-видимому, поручение властей Флоренции и других итальянских государств, обнаруживших всю реальность угрозы турецкого захвата Апеннинского полуострова, обратился

непосредственно к венгерскому королю с призывом возглавить войну против “страшного и ужасного” врага христианства¹².

Король, пополнявший собственное библиотечное собрание трудами гуманиста, как видно, очень ценил их. Посредником между Фичино и монархом выступал все тот же Бандини, из письма к которому за май 1482 г. узнаем, что Фичино посвятил королю Матвею две книги своих эпистол, отданные для переписки на средства некоего Франциска Юния, а также намеревался направить и другие свои труды, как только они выйдут из печати¹³; об их переделке он сообщал в следующем письме Бандини¹⁴. Скорее всего самым концом 1484 г. или началом 1485 гг. нужно датировать два письма по тому же адресу, извещающие о посылке в Венгрию Бандини переводов Плотина, изданных осенью 1484 г. за счет Филиппо Валори¹⁵. В ряде писем середины 80-х гг. XV в. Фичино информирует венгерского корреспондента о том, как продвигается его работа над переводом Платона¹⁶. В последнем письме Бандини Фичино пишет, что вынужден был прервать комментирование Плотина на середине, так как занялся переводом Пселла, Синезия, Порфирия, Ямвлиха и Прискиана Лида. Послание датировано 6 января 1489 г.¹⁷ по флорентийскому стилю, то есть 1490 г. Далее переписка прекратилась, возможно, из-за смерти Бандини, о котором после этой даты никаких сведений более не сохранилось¹⁸.

Наиболее значительным знаком внимания венгерскому королю стало посвящение ему 10 июня 1489 г. трактата “О стяжании жизни с небес”, который сложился по ходу комментирования Плотина; на это было получено согласие Лоренцо Медичи (*Laurentio quidem probante*)¹⁹, которому, впрочем, были преподнесены все “Три книги о жизни”, в их составе и та, что адресовывалась Матвею Корвину. 6 января 1490 г. Фичино сообщал венценосному венгерскому корреспонденту об отъезде Филиппо Валори, своего друга и покровителя, в Буду с направляемыми королю книгами Прискиана Лида, Михаила Пселла, частью комментария к Плотину²⁰ - то есть незадолго перед тем выполненными гуманистом переводами с греческого.

Более полный список сделанных им новых переложений на латынь древних авторов Фичино давал в упомянутом уже последнем письме к Бандини, в нем он упоминал и о Филиппо Валори, “наипреданнейшем вашему королю человеку, изготовившем для короля *текст Плотина с комментариями* в королевском формате (курсив мой – *О.К.*)”²¹. Как и две книги Фичиновых эпистол, так и незавершенный перевод Плотина, пополнившие библиотеку Матвея Корвина, копировались на деньги состоятельных людей²². Вполне возможно, какой-то доход от этих подношений его трудов имел и сам гуманист.

Кроме указанных выше произведений, Фичино тогда же передал для изготовления копии трактат Ямвлиха “О мистериях египтян, халдеев, ассирийцев”, еще одно из переведенных им произведений; на этом настоял, возможно, следуя инструкциям патрона, Таддео Уголетто, библиотекарь короля Венгрии, находившийся тогда во Флоренции, хотя Фичино и выражал недовольство своим трудом, ибо из-за дурного качества оригинала давал не дословный перевод, но смысловой (*non ad verbum, sed ad sensum*)²³.

Со смертью короля Матвея (1490 г.) и последовавшей за ней борьбой за престол Венгрии прочные связи, которые долгие годы сохранялись у Фичино с заинтересованными в его трудах королевским двором и гуманистически образованными представителями элиты этой страны, прекратились.

§ 2. Германия и Нидерланды

Тесные контакты установились у Фичино с гуманистами и учеными из Германии и Нидерландов. С ним должен был встречаться и завязать добрые отношения Иоганн Рейхлин во время своих посещений Флоренции в 1482 и 1490 гг., если в 1491 г. он вместе с Людвигом Науклером ему рекомендовал молодежь из Швабии (возможно, своего брата Дионисия и Иоганна Штрелера) для их обучения во Флоренции²⁴. От Фичино, за трудами которого Рейхлин внимательно следил (см. в конце параграфа), он мог воспринять импульс к освоению древнейшей философско-богословской мудрости, в частности иудейской каббалы и учения пифагорейцев.

Главного сторонника и приверженца среди немцев Фичино нашел в лице Мартина Преннингера, известного южнонемецкого юриста, посетившего главу флорентийских платоников еще в 1476-1477 гг., но особенно активно общавшегося с ним в 1489-1493 гг. Сохранилось четырнадцать писем, направленных Фичино своему немецкому почитателю в эти пять лет (к сожалению, ответные письма Преннингера, которых должно быть не меньше, не сохранились)²⁵. Посвящением Преннингеру, датируемым июлем 1490 г., открывается девятая книга Фичиновых “Эпистол”: “Итак, прими охотно и читай счастливо, Ураний, мой небесный друг, Мартиновы, а равно и Марсилиевы письма. Будь счастлив, alter ego”²⁶. Обращает на себя внимание то, что в духе эпохи Преннингер взял (а вполне возможно был присвоен ему Фичино) гуманистический псевдоним “Uranus”, “Ураний”, то есть “небесный”²⁷; Фичино также называл его “alter ego”, “вторым я”, подчеркивая особое отношение к нему, и в последующем повторял это обращение не раз.

Самым ранним из сохранившихся писем к Преннингеру является послание Фичино за июнь 1489 г., в котором он, отвечая на просьбу адресата, приводил перечень своих трудов и переводов и указывал, какие сочинения латинян могут быть отнесены к платоновской традиции; в этом же письме, рассуждая о двух путях к счастью (ad felicitatem) – философии и религии, - он пояснял, что у Платона оба они объединены; наконец, Фичино сообщал о посылке Преннингеру текста Алкиноя и обещал в другой раз выслать “божественного Ямвлиха”²⁸. Приведенный документ интересен прежде всего тем, что обнаруживает сразу все основные направления того, что можно было бы назвать “внешней составляющей” деятельности флорентийской Платоновской академии: информацию о ее трудах, их популяризацию и распространение, а также наставления в “платонической науке” взыскующих ее, но не имеющих возможности получать уроки ее непосредственно от главы Академии.

Как явствует из следующего письма за август 1489 г., Фичино, продолжая свою просветительскую деятельность, по просьбе Преннингера высылал ему собственные переводы Ямвлиха, Прокла и Синезия и указывал дату своего рождения и даже констелляцию небесных светил, при которой он появился на свет²⁹. В апреле 1490 г. Фичино информировал о выходе в свет “Трех книг о жизни” и обещал прислать в дар ее экземпляр – таким образом он благодарил за преподнесенные ему Преннингером кинжальные ножны, украшенные драгоценными камнями и золотом³⁰. В следующий раз Фичино сообщал, что письмо от 26 апреля 1490 г. с тремя рейнскими гульденами он еще не получил, тогда как другие письма Преннингера от 12 марта и 23 мая до него уже дошли. Впрочем, он тут же добавлял: “Не нужно мне от тебя, Мартин, ни золота, ни серебра, но только тебя; я удовлетворюсь одним тобой”.³¹ Прямое отношение к Преннингеру имеет и предисловие к “Апологиям наслаждения”, коими заканчивается десятая книга “Эпистол”, в нем Фичино, используя символику чисел, рассуждает о платонической любви, связывающей его с “alter ego”³².

Подобно Рейхлину, Преннингер направлял во Флоренцию к Фичино молодых немцев для прохождения наук; об этом известно из писем за июнь и июль 1491 г., в первом из них Фичино уверял своего корреспондента в том, что позаботится о здоровье, воспитании и образовании своих подопечных, во втором – что они уже делают определенные успехи³³. Разузнав еще в 1489 г. о точной дате рождения флорентийского вождя платоников, его немецкий почитатель торжественно отметил этот день, 19 октября, в 1491 г. в Тюбингене “в собрании докторов и с большими издержками”, о чем Фичино узнал от Штрелера, путешествовавшего вместе с Дионисием Рейхлиным по Италии, и по поводу чего горячо благодарил Преннингера³⁴. В этом чествовании своего рода “живого классика”, как бы нового воплощения платоновской мудрости, заметно подражание самому Фичино, описавшему в «Комментарии на “Пир” Платона...» празднование ученым миром Флоренции дня рождения и смерти афинского философа. Преннингер,

увлеченный идеями Фичино, учившего о постоянном возобновлении в разные времена и у разных народов древней традиции “благочестивой философии”, похоже, и в своем флорентийском наставнике поспешил увидеть возобновление этой традиции, создавая ему “настоящий культ”³⁵.

Весной-ранним летом 1492 г., когда Преннингер по поручению графа вюртембергского Эберхарда Бородатого, правил посольство к папе в Рим, он имел случай опять встретиться с Фичино, который упоминает об этом не раз³⁶. Возможно, их беседами была спровоцирована посылка письма с “Гимнами Орфею”, в котором Фичино сообщал о неопубликованных им ранних своих переводах и работах, в том числе и о комментариях к Лукрецию³⁷. В другом послании за август 1492 г. Фичино извещал о прибытии из Греции большой партии греческих рукописных книг, приобретенных Иоанном Ласкарисом еще по заказу Лоренцо Великолепного, но полученных уже его сыном Пьеро; в приложении к письму даны выдержки из перевода Проклова комментария к “Государству” Платона³⁸.

Неоднократно через Штрелера Преннингер просил Фичино указать круг его друзей и учеников, что тот и сделал в специальном послании, назвав имена восьмидесяти лиц, которых с полным основанием можно отнести к товариществу, известному как флорентийская Платоновская академия³⁹. Последнее из дошедших до нас посланий к Преннингеру посвящено звездам - излюбленной теме обсуждений обоих гуманистов⁴⁰.

Переписка Фичино и Преннингера – имевшая не частный характер, но предназначенная к публичному распространению – стала наиболее важным средством *прямого* влияния идей и культурных устремлений флорентийского неоплатонизма на направление духовных исканий гуманистических кругов Германии⁴¹.

Помимо Преннингера, Фичино адресовал также письма лицам, близко с ним связанным. Графу Эберхарду Вюртембергскому, на службе у которого состоял Преннингер, он сообщал, как его подданный, находясь в Италии, превозносил доблести своего государя⁴², или доказывал, что среди

германских князей Эберхард занимает такое же выдающееся положение, какое Солнце среди других светил⁴³. В связи с этим вполне логичным было то, что летом 1492 г. Фичино посвятил Эберхарду первую, краткую редакцию своего трактата “О Солнце”⁴⁴. Видимо, по рекомендации Преннингера Фичино завязал отношения с Георгом Хервартом из Аугсбурга, адресуясь к которому он в апреле 1491 г. как о близком друге отзывался об их общем знакомом: “Если ты любишь Марсилию, люби Мартина по фамилии Пнингер [Преннингер – *О.К.*]...”⁴⁵. Это был ответ на полученные от Херварта ценный подарок – кубок из золота и серебра – и письмо, которое, надо полагать, из уважения к дарителю Фичино включил в свою переписку и в котором новый немецкий почитатель флорентийского платоника уверял, что день их встречи – самый радостный и счастливый в его жизни⁴⁶.

Из переписки Фичино известно также о его добрых отношениях с кельнским каноником Менкением, которого, повредившего в пути ногу в январе 1494 г., в качестве врача он навестил во Флоренции и который выразил желание следить за изданием (видимо, переизданием) “Трех книг о жизни”⁴⁷. С Павлом Миддельбургским, нидерландским математиком и медиком, находившимся с 1482 г. на службе у герцога Урбинского Гвидобальдо да Монтефельтро, Фичино сошелся на почве их общего увлечения астрономической наукой, которую, по утверждению флорентийского платоника, тот усовершенствовал; об этом сказано в знаменитом письме о “золотом веке” (сентябрь 1492 г.), в нем, адресуясь к Павлу, Фичино вел речь о совершаемом в их время и с их, Павла и Фичино, участием грандиозном культурном перевороте⁴⁸.

О том, сколь пристально ученый мир Германии следил за публикациями уже прославившегося своими трудами главы флорентийской Платоновской академии, свидетельствует Иоганн Штрелер. В послании к Иоганну Капниону (гуманистическое прозвище Рейхлина) за 1491 г. он, именуя Фичино “отцом нашим” (*pater noster*) (подразумевались, по-видимому, немцы, находившиеся во Флоренции под присмотром Фичино), сообщал, что

Плотин еще не вышел из печати и будет он стоить два рейнских гульдена, что для него, Капниона, он уже купил Платона (конечно, в Фичиновом переводе) и “Платоновское богословие”, недавно перед тем отпечатанное в Венеции. Позже, в июле 1492 г., тому же лицу он пишет о завершении издания Плотина и спрашивает, интересуется ли оно его, а также доводит до сведения адресата предложение Мартина Бремингера [Преннингера ?] уступить по договорной цене (*de expensis tu cum eo convenias*) труды Платона, “Платоновское богословие” Фичино, “Гептапл” Пико и “Смесь” Полициано⁴⁹.

Таким образом, на пике и к концу своей ученой карьеры Фичино нашел среди немцев немало приверженцев, которые, проявив чрезвычайный интерес к его трудам и религиозно-философским исканиям, обеспечили ему устойчивое и долговременное влияние на последующее развитие гуманистической мысли Германии и других стран заальпийской Европы.

§ 3. Франция

В сентябре 1496 г. Марсилий Фичино был, несомненно, ободрен свидетельством о его популярности на берегах Сены, присланным старейшим французским гуманистом Робером Гагеном: “Твоя доблесть и мудрость столь хорошо известны в нашей Парижской Академии, что имя твое почитают и прославляют как в собраниях ученых мужей, так и в школьных классах”. Далее он говорит о широком использовании Фичиновых переводов Платона, о том, что славу флорентийского гуманиста умножили Плотин, переложенный им на латынь, и другие плоды его ученых бдений (*alia lucubrationis tue volumina*), а также опубликованная им переписка (*familiares epistole*), из-за которой многие парижские студенты воспылали желанием увидеть его воочию и познакомиться лично с человеком столь высокой учености. Кончает Гаген просьбой к Фичино принять и присмотреть за прохождением наук во Флоренции одного из своих молодых друзей и соотечественников⁵⁰.

Завязались отношения Фичино с французскими интеллектуалами, интересовавшимися новейшими достижениями итальянского гуманизма, не позднее 1491-1492 гг., когда Жак Лефевр д'Этапль, совершая поездку по Италии, наведаясь во Флоренцию⁵¹. Там он, по-видимому, встречался с Фичино и, вне всякого сомнения, с людьми из его окружения⁵². Учитывая интересы французского гуманиста, богослова и издателя, оправданно предположить, что по возвращении из Италии в 1492 г. он участвовал в парижской публикации "Трех книг о жизни"⁵³. В начале следующего 1493 г. он написал под влиянием этого Фичинова трактата и "Тезисов" Джованни Пико делла Мирандола сочинение "О натуральной магии" (*De magia naturali*), посвященное Герману де Ганэ, которое, впрочем, так и не напечатал⁵⁴. Но самым большим вкладом Лефевра д'Этапля в популяризацию трудов Фичино стали публикации латинских переводов "Герметического свода", первым изданием вышедшего в Париже летом 1494 г. со скромными пояснениями (*argumenta*) самого Лефевра, признававшегося, что предпринял сей труд, "движимый как любовью к Марсилию (который почитаем им как отец), так и величием Меркуриевой мудрости"⁵⁵; впрочем, во втором издании "Герметического свода" (Париж, 1505 г.⁵⁶) этого превознесения Фичино уже не было, а в обновленных пояснениях к нему открыто осуждалось магическое искусство⁵⁷. Нет нужды доказывать, что Лефевр д'Этапль, как и другие пропагандисты трудов Фичино за Альпами, мог, руководствуясь своими установками, изменять, а то и прямо искажать мысль флорентийского платоника. И все же один пример... Публикуя Дионисия Ареопагита в переводе Амвросия Траверсари (1481 г., переизд. - 1498 г.), Лефевр в числе прочих свидетелей называл и Фичино, утверждая, что платоники – Нумений, Филон, Плотин, Ямвлих, Прокл – восприняли (*usurpaverunt*) от Иоанна, Павла, Иерофея, Дионисия Ареопагита все богословское учение, а затем присовокуплял: "Если бы сей Марсилиус не хотел быть снисходительнее ко врагам христианской мудрости, он бы открыто признался - украли"⁵⁸.

Разумеется, и содержание, и тональность этого замечания далеки от того, что писал о путях развития древнейшего богословия сам Фичино.

Еще более тесные отношения сложились у Фичино с Германом де Ганэ, каноником соборов Парижа и Буржа, а с 1497 г. – епископом Кагора, представителем той части служилой французской аристократии, которая живо интересовалась новейшими духовными веяниями эпохи и оказывала поддержку людям культуры; Герман де Ганэ покровительствовал, в частности, Лефевру д’Этаплю, позже - Шарлю де Бовелю. К весне 1494 г. он был уже близок с Фичино настолько, что флорентийский гуманист мог назвать его “дражайшим моим Германом”, братом, рожденным общей их матерью Философией⁵⁹; а постольку поскольку у братьев ничего не должно быть порознь, то Фичино решил предоставить ему все свои работы: «Итак, я пошлю тебе вначале уже переписанные для тебя книги Дионисия и многих платоников [по-видимому, Порфирия, Ямвлиха, Синезия, Прискиана Лида, Михаила Пселла – *О.К.*], которых ты давно домогаешься. Потом комментарии к “Пармениду”, с которых для тебя сейчас готовится список, затем последуют, пожалуй, комментарии к “Тимею” и “Софисту”... и [мои] “Письма”»; в заключении сказано, что Фичино готов предоставить и перевод Плотина, если у его французского “собрата” этого труда совсем нет⁶⁰.

Документ этот ценен прежде всего тем, что показывает, сколь охотно Фичино шел на распространение своих трудов за пределами Италии и в сколь большом объеме они, подчас едва завершенные (ведь в цитированном письме речь шла о работах конца 80-первой половины 90-х гг.), становились достоянием ученого мира Европы. Мотивами такой готовности поделиться своими разработками были не только славолубие и надежда на какое-то вознаграждение (о котором можно лишь гадать), но и с первых лет “платонического служения” вдохновлявшее Фичино убеждение в благотворности для духовного здоровья человечества открываемой богословской мудрости древних.

В следующем, написанном полгода спустя письме (октябрь 1494 г.) Фичино выражал надежду на то, что адресат скоро получит обещанные тексты платоников, и сожалел, что не смог из-за нерасторопности переписчиков отправить ему трактаты Дионисия Ареопагита, тут же уверяя, впрочем, в быстрой их пересылке вместе с собранием своих писем (которое, кстати сказать, в действительности выйдет только в 1495 г.); он также сообщал об изготовлении списка комментария к “Пармениду” и работе над списком комментария к “Тимею”⁶¹.

Затем последовало вторжение французов во Флоренцию (17 ноября), едва не закончившееся разграблением города. В этих условиях Фичино ободряло то обстоятельство, что в составе французского войска находился брат Германа Жан де Ганэ, президент парламента и канцлер короля; получив рекомендательное письмо от Германа, между 12 и 24 декабря 1494 г. Фичино направился к его брату, которого застал у монарха, о чем и отписал Герману⁶². Чтобы закрепить наладившиеся отношения, он одарил Жана де Ганэ и историографа короля Паоло Эмили списком своего недавно созданного трактата “О Солнце”⁶³.

Впрочем, связи с пришельцами из-за Альп Фичино начал налаживать еще раньше. Уже в сентябре 1494 г. Жан Матерон де Салиньяк, посланный французским королем Карлом VIII к Пьеро Медичи, дабы договориться об условиях прохода королевской армии через территорию Флорентийского государства, получил от Фичино копии его сочинения “О Солнце” и “О свете” с посвятительным письмом, в котором флорентийский гуманист, превознося “Фебову мудрость и блеск добродетели” французского посла, рассуждал об Аполлоне-Солнце, источнике света, тепла, гармонии, знания, начале красоты, дружбы и любви, образе небесного Бога; впрочем, эти характеристики Аполлона-Солнца могли легко быть восприняты и как славословие королю⁶⁴.

Самому французскому монарху, когда он вступил во Флоренцию, Фичино посвятил речь, в которой называл его Божьим посланцем, предназначенным

освободить от владычества варваров Святую Землю, “королем-миротворцем”, пришедшим в Италию вернуть себе наследственные владения и установить справедливый мир, а также оборонить не только своих подданных, но и весь круг земель Божьих от турок⁶⁵. В своей речи Фичино повторял общие места профранцузской пропаганды, развернутой в это время⁶⁶; однако, как и в тех случаях, когда он обращался к венгерскому королю и к папе, так, похоже, и в этом он действовал не только в собственных видах, но и в интересах своей коммуны, в частности “подсказывая” французскому монарху антиосманское направление политики, выгодное прежде всего итальянцам.

Что, в итоге, дошло из обещанного Фичино до Германа де Ганэ, который при жизни флорентийского гуманиста из всех французов проявлял наибольшую заинтересованность в его трудах? П.О. Кристеллер нашел кодекс, принадлежавший Герману, в котором содержались комментарии к Павловым посланиям, выдержки из Фичинова перевода трактата Ямвлиха “О таинствах...” и заметки (annotationes) из комментария к “Пармениду”⁶⁷. Скорее всего в нем представлены далеко не все труды Фичино, которыми он поделился со своим французским почитателем. В марте 1495 г. он оповестил Германа о смерти своих друзей – Джованни Пико, приключившейся в тот самый день, когда французские войска вошли во Флоренцию, и о смерти Анджело Полициано двумя месяцами раньше, - присовокупив краткие реестрики их трудов⁶⁸. А позже в качестве своего рода утешения послал ему рукопись с переводом трактата Афинагора “О воскресении”⁶⁹.

Последним из известных нам писем Герману де Ганэ стало обнаруженное П.О. Кристеллером в первом издании Фичинова перевода Афинагора (Париж, 1498 г.) послание, содержащее комментарий к орфическому гимну о природе⁷⁰. Как видно из контекста, этот Де Ганэ еще прежде просил прислать ему сочинение, приписываемое легендарному Орфею, переложение которого на латынь было выполнено Фичино в 1462 г., в числе его первых опытов перевода с древнегреческого. Любопытно, что Фичино, который ранние переводы не публиковал и никак не популяризировал, опасаясь прослыть

пропагандистом языческих религиозных культов, удовлетворил желанию своего французского почитателя и переправил ему выполненную им латинскую версию орфического сочинения, снабдив ее толкованием. Это, несомненно, свидетельствует об особом доверии, установившемся между главой флорентийских платоников и Германом де Ганэ. И увлеченный изучением древнейших богословских тайн французский последователь Фичино не обманул ожиданий наставника: опубликовав его письмо, текст самого источника он не напечатал.

§ 4. Англия

Отношения Фичино с гуманистическими кругами Англии должны были завязаться не позднее 1485-1486 гг., когда кентерберийский монах Уильям Селлинг, которого можно отнести к первым тамошним гуманистам, наряженный послом к папе Иннокентию VIII, проезжал через Флоренцию (впервые Селлинг посетил Италию в 1464 г., приобретя там ценные греческие рукописи)⁷¹; в этом городе он оставил одного из лучших своих учеников Томаса Линакра (1485-1486 гг.), вслед за которым там появился Уильям Гроцин (1488-1490 гг.); и тот и другой изучали во Флоренции греческую словесность под руководством Анджеоло Полициано и других ее знатоков⁷². Основываясь на ранних своих впечатлениях, Линакр в посвящении к изданию греко-латинского словаря Джулио Полидевка (Флоренция, 1521 г.) первым в числе тех, кои свидетельствовали собой о расцвете духовной жизни Флоренции времен Лоренцо Великолепного, называл “Марсилия Фичино, единственного, кто тогда учением и нравами подражал Платону”⁷³.

Более тесные отношения сложились у Фичино с близким другом Линакра и Гроцина Иоанном Колетом, который в 1492-1496 гг. обучался богословию во Франции (Орлеан, Париж) и Италии (Рим)⁷⁴ и в связи с этим интересовался трудами Фичино и Джованни Пико⁷⁵. Нет никаких данных, подтверждающих принятое в историографии мнение⁷⁶, будто Колет был знаком с Фичино⁷⁷, более того, он сам выражал сожаление, что никогда не

видел флорентийского платоника⁷⁸; тем не менее сохранившиеся фрагменты переписки между ними свидетельствуют об определенной духовной близости этих двух гуманистов-богословов.

Первым, как видно, начал Колет⁷⁹. В своем послании к Фичино (конец 1498 г.) Колет почтительно назвал его Солнцем. Польщенный Фичино мягко ему возразил в феврале 1499 г., обыграв одно из положений своей философии любви: сила любви – наставлял он своего юного английского корреспондента – проявляет себя в том, что любящий человек образ любимого в своем сознании делает совершеннее, чем он есть на самом деле; вот и “ты, любящий Иоанн, лишь только увидел свет духа нашего, сверкающий в писаниях [наших] так же, как Луна в воде, почти согласный с твоим духом, еще сильнее воспылал любовью и, одержимый ею, тотчас принял Луну за Солнце”⁸⁰. В письме этом, обнаруженном в экземпляре венецианского издания “Эпистол” 1495 г., которое хранится в Оксфордской библиотеке, и впервые опубликованном Р. Марселем⁸¹, обращают на себя внимание два обстоятельства: во-первых, Фичино не случайно выбирает для себя образ Луны, ибо образ Солнца, само собой разумеется, по праву мог быть отнесен только к Платону, отражением которого – и в учении, и в жизни – хотел быть его ренессансный последователь; во-вторых, ясно сказано о знакомстве Колета с трудами (*scriptis*) Фичино.

Из сочинений Фичино Колет определенно и очень хорошо знал “Эпистолы”, оксфордский экземпляр которых испещрен его маргиналиями⁸². По длинным заимствованиям из “Платоновского богословия” ясно, что Колет освоил и эту работу Фичино⁸³. Возможно, ему был известен также трактат “О Солнце и свете”, вышедший в начале 1493 г., чтение которого могло подсказать ему мысль сравнить Фичино с Солнцем⁸⁴.

Варианты своего ответа – эти черновики и неокончателный текст только и сохранились – Колет писал весной 1499 г. на обороте скопированной им эпистолы Фичино. Именно в них Колет говорит о том, как он хотел бы повидать Фичино, а также к полученному письму просит прислать еще одно

письмо⁸⁵. И Фичино откликнулся. Летом 1499 г. он направил Колету послание, гораздо пространнее первого, доказывая в нем превосходство разума перед любовью, влечением и волей⁸⁶.

Этими двумя письмами с философскими рассуждениями на темы, к которым Фичино часто обращался в своих произведениях, его заочное наставничество Колета в платонической науке и завершилось. Стоит отметить, что в этот же период увлечение английского богослова-гуманиста идеями афинского философа засвидетельствовано еще одним документом – письмом Эразма Роттердамского, отправленном из Лондона в декабре 1499 г. Роберту Фишеру. Восторженно отзываясь о своих английских знакомых Гроцине, Линакре, Море, о Колете Эразм писал: “Когда я слушаю моего Колета, мне кажется, что я слышу самого Платона”⁸⁷. Обращает на себя внимание, что Колет выступал в Оксфорде с “Толкованиями на Послания Блаж. Павла к Римлянам” в 1498-1499 гг.⁸⁸, то есть вскоре после того, как Фичино был занят публичным комментированием этого же произведения во Флоренции (1496-1497 гг.). И, вполне возможно, что такое совпадение – не простая случайность. Во всяком случае некоторые положения, высказанные Колетом, говорят об идейной близости двух мыслителей. Так, подобно Фичино, он обрушивается с критикой на принцип частного владения имуществом, узаконенный, как сказано в “Толкованиях на Послания Блаж. Павла...”, правом народов (*jus gentium*), противный изначальным установлениям благой природы, повелевающей всем иметь все сообща (*omnium rerum communionem*). О предпочтении порядка общности, единства людей такому состоянию, когда они разделены собственностью, преследованием каждый своей выгоды (*proprium commodum*) он с осуждением пишет в другом своем произведении “О мистическом теле Христовом”⁸⁹. Имея в виду, что позже, в “Утопии” Томаса Мора, эти идеи и главы флорентийских платоников, и его английского корреспондента получают более полное и обстоятельное обоснование и выражение, творчество

Колета с полным основанием можно рассматривать как необходимое звено в развитии общежительных идеалов ренессансного гуманизма⁹⁰.

§ 5 Польша

Известно лишь одно лицо в Польше, с которым Фичино поддерживал на протяжении ряда лет активные и, пожалуй, дружеские отношения, хотя единомышленниками их назвать невозможно. Это - бежавший после разгрома в 1468 г. папой Павлом II римской академии Помпония Лэта сначала в Турцию, а с 1469-1470 гг. обосновавшийся в Польше Филиппо Буонаккорси, известный также под именем Каллимаха Римского и академическим псевдонимом Эспериенте. Он занимал высокие должности и был весьма влиятельным человеком при польском королевском дворе⁹¹. Сохранилась переписка между Фичино и Каллимахом, по три письма с одной и с другой стороны⁹². Первым ранее 1485 г. написал Фичино⁹³, приветствуя своего “сотоварища-платоника Каллимаха” и восхищаясь его разносторонностью, объяснение которой он искал в популярной среди неоплатоников теории о том, что качества характера человека уже с рождения определены его демоном-покровителем⁹⁴. Однако это дружеское обращение к нему как к “сотоварищу-платонику” не удержало Каллимаха от полемики⁹⁵, в которой он указывал, что в человеке душа не оставляет места для какой бы то ни было другой духовной сущности⁹⁶.

Затем Фичино писал Каллимаху в апреле 1485 г., сообщая, что он занят переводом Плотина⁹⁷; на это письмо Каллимах отреагировал, по-видимому, в самом конце 1486 г. шутливо-игривым и в то же время исполненным почтения посланием Фичино, названному в нем “ученейшим восстановителем Академии” (*Achademie restitutor doctissime*) и “украшением нашего века” (*seculi nostri decus*). Из него мы узнаем, что состоялось личное знакомство двух гуманистов; Каллимах обещал своему флорентийскому другу обсудить кое-какие “вопросики” (*questiunculas*), когда тот закончит перевод Платона⁹⁸. Кроме ответного письма, как явствует из прибавки к нему, сделанной гуманистом, представителем известной флорентийской

купеческой семьи Латтанцио Тедалди, Каллимах через него направил Фичино также кое-какие “экзотические” подарки: “меховое облачение из куницы, другое меньшего размера облачение из пуха какой-то птицы, меч с рукоятью из рога, похожего на камень яшму (вещь замечательнейшая) и пару обуви из скифской кожи”⁹⁹.

Новый обмен письмами состоялся в 1488 г. уже по инициативе польского корреспондента, который сообщал Фичино о пожаре, уничтожившем все его имущество; погибли в огне и “вопросики”, предназначенные им Фичино, коего он шутливо-уважительно именуется “насельником и устройтелем Платоновского сада” (*rigatorem et colonum Platonice silve*). Стоит обратить внимание, что за Фичино Каллимах признает право на учительство, за собой – учиться у него¹⁰⁰. Стараясь найти философское утешение для своего друга, в ответном послании Фичино сослался на учение Орфея, согласно которому “все должно уничтожиться в огне”¹⁰¹.

С этого времени никаких свидетельств о прямых контактах Фичино и Каллимаха не осталось. Тем не менее, по мнению некоторых исследователей, интерес итальянско-польского гуманиста к идеям Фичино сохранялся в последующие годы. Так, в его “Предисловии к соннику Леона Туска” (*Praefatio in Somniarum Leonis Tusci*), которое было создано в 1495 г., они усматривают скрытую полемику с Фичино (не названного по имени), доказывавшим, что во сне душа становится свободна от тела и всех с ним связанных действий; вопреки этой концепции в сочинениях Каллимаха отстаивалось неразрывное единство души с телом, которое проявлялось также во снах¹⁰².

103

¹ “*Gratissime mihi contigerunt literae tuae, quibus equidem intellexi, et te bene valere et me volare, quod enim (ut scribis), totam iam Europam in amatoriam mihi subegerim servitutem, facere quidem accessu non valui, ergo feci volatu*” (*Ficinus M. De Famae volatu. Et quod sua cuique charissima sunt // Ep. lib. VIII. P. 891. 4*).

Об Аттаванти и его деятельности в качестве религиозного проповедника и писателя см.: DBI. 1962. Vol. 4. P. 531-532 (статья без указ. имени автора).

² “Quae [literae] tamen alibi feliciore fortuna fretae, non solum per omnem Italiam, sed etiam in Hispaniam iamdiu, Galliam, Germaniam, Pannoniam, pervolarunt...” (*Ficinus M. Purgatio de literis non redditis* // Ep. lib. XI. P. 926. 2. Письмо адресовано кардиналу Рафаилу Риарио).

Впрочем, как заметил Р. Марсель, ни одного письма Фичино в Испанию не обнаружено: *Marcel R. Marsile Ficin (1433-1499). Paris, 1958. P. 534.*

³ “Equidem te amice moneo, caveas, ne forte curiositas quaedam sit isthaec renovatio antiquorum, potius quam religio” (*Ioannes Pannonius Marsilio Ficino. Dubitatio utrum opera philosophica regantur fato an providentia* // Ep. lib. VIII. P. 871. 2; *Abel E. Analecta nova ad historiam Renascentium in Hungaria litterarum spectantia. Budapestini, 1903. P. 278*).

⁴ *Ficinus M. Quod divina providentia statuit antiqua renovari* // Ep. lib. VIII. P. 871. 3; *Abel E. Op. cit. P. 279-281.*

⁵ “Commentarium in Platonis Convivium de Amore nuper a nobis editum tibi potissimum, vir clarissime, dicare constitui, quia et Platonicus es apprime, et nobis singulari quodam amore coniunctus; sic enim Platonica ad Platicum, amatoria ad amantissimum retulerimus. Dabit praeterea scriptis nostris fidem auctoritas tua non mediocrem... Amor in me tuus mea commendabit tibi, et auctoritas tua Pannoniis ipsa laudabit. Amorem vero in te meum, quando id mea non potest epistola, Petrus Garasda, vir doctus et utriusque nostrum familiaris, cum apud te fuerit, declarabit” (*Mátyás király levelei. Ed. Fr. Vilmos. Budapest, 1893. P. 202-203; SF Vol. I. P. 88*). Подробнее о связях Фичино с Яном Паннонием и о Петре Гаразде см.: *Husztí J. Tendenze platonizzanti alla corte di Mattia Corvino* // GCFI. 1930. Vol. XI (Fasc. 1. P. 1-37; Fasc. 2. P. 135-162; Fasc. 3. P. 220-236; Fasc. 4. P. 272-287). Fasc. 1. P. 26-37.

⁶ “Nuper in Elisiis animam dum quero Platonis, / Marsilio hanc Samius dixit inesse senex” (*SF. Vol. II. P. 269*).

⁷ *Huszt J.* Op. cit. Fasc. 2. P. 146-150; *Kristeller P.O.* An unpublished description of Naples by Francesco Bandini // SRTL (P. 395-410). P. 399; *Vasoli C.* Bandini Francesco // DBI. 1963. Vol. 5. P. 709, 710.

⁸ *Ficinus M.* De vita Platonis; Prooemium in opusculum de vita Platonis // Ep. lib. IV. P. 763-770, 782. 2 (см. изд.: *Abel E.* Op. cit. P. 274). Текст “О жизни Платона” использовался Фичино в качестве вводной части «Комментария на “Филеба”», с которым гуманист выступал публично. См.: SF. Vol. I. P. 79.

⁹ “O ferrea secula, quibus Mars illae saevissimus Atticas diruit Palladis arces! Non igitur in miseram Graeciam, sed in Pannoniam, Marsili, me conferam. Ibi enim floret magnus rex ille Mathias, qui mira quadam potentia similiter et sapientia fretus certis relabentibus annis aedem potenti sapientique Palladi, hoc est Graecorum gymnasia, reparabit” (*Ficinus M.* Prooemium in opusculum de vita Platonis. P. 782. 2; *Abel E.* Op. cit. P. 274)

¹⁰ “Cum accepisti tuas [Николая Батори – *O.K.*] Bandinique literas, quibus vehementer suadetis, ut in Pannoniam proficiscar, gratissimus Mathiae serenissimo Pannoniae regi futurus, perfeceram iam quinque Platonicae sapientiae claves... Venire autem me difficile est. Vivere deinde sub isto coelo forsitan difficilior...” (*Ficinus M.* Montes non separant animos montibus altiores // Ep. lib. IV. P. 782. 3). См. также сообщение Корси: *Cursius J.* Vita Marsilii Ficini. XXII // Marcel R. Marsile Ficin. 1433-1499. Paris, 1958 (P. 680-689). P. 688. См. в связи с этим: *Huszt J.* Op. cit. Fasc. 4. P. 273; *Marcel R.* Marsile Ficin. 1433-1499. Paris, 1958. P. 452; *Klaniczay T.* Mattia Corvino e l’umanesimo italiano. Roma, 1974. P. 17; *Gentile S.* Marsilio Ficino e l’Ungheria all’epoca dell’umanesimo corviniano // Italia e Ungheria all’epoca dell’umanesimo corviniano. Firenze, 1994 (P. 89-110). P. 97.

¹¹ *Ficinus M.* Petitio commendatioque artificiosa // Ep. lib. VII. P. 858. 1; *Idem.* Multa quae stellae significant, demones persuadent, nos agimus // Ep. lib. VIII. P. 884. 2. См. также: *Kristeller P.O.* An unpublished description... P. 400.

¹² *Ficinus M.* Exhortatio ad bellum contra Barbaros // Ep. lib. III. P. 721-722; *Abel E.* Op. cit. P. 271-273.

¹³ *Ficinus M.* In solo Deo salus // Ep. lib. VII. P. 856. 2; *Abel E.* Op. cit. P. 275-276. См. также: *Kristeller P.O.* De traditione operum Marsilii Ficini // SRTL (P. 123-138). P. 125.

¹⁴ *Ficinus M.* Petitio commendatioque artificiosa. P. 857. 4; *Abel E.* Op. cit. P. 276.

¹⁵ “Accedit ad vos tandem Plato noster pia Philippi Valoris opera” (*Ficinus M.* Commendatio librorum platoniorum // Ep. lib. VIII. P. 870. 3; *Abel E.* Op. cit. P. 277); “Platonem, Bandine, quem petitis, arbitror iam ad vos ante has literas pervenisse...” (*Ficinus M.* Quod qua via ducit Deus pergendum sit // Ep. lib. VIII. P. 871. 1; *Abel E.* Op. cit. P. 277).

¹⁶ См.: Ep. lib. VIII. P. 871. 2; 879. 2; 879. 4; *Abel E.* Op. cit. P. 278, 282.

¹⁷ *Ficinus M.* Satis ad unum scribit amicum qui cunctis simul scribit amicis // Ep. lib. IX. P. 895-896; *Abel E.* Op. cit. P. 285-286.

¹⁸ *Kristeller P.O.* An unpublished description... P. 401.

¹⁹ *Ficinus M.* Prooemium in librum De vita coelitus comparanda // Op. om. P. 529; *Abel E.* Op. cit. P. 289-290. См. также: *Della Torre A.* Storia dell'Accademia Platonica di Firenze. Firenze, 1902. P. 622; *Huszti J.* Op. cit. Fasc. 3. P. 228-230; *Gentile S.* Marsilio Ficino e l'Ungheria... P. 105.

²⁰ *Ficinus M.* Amicus in amico. Item excusatio de itinere non suscepto // Ep. lib. IX. P. 896. 2; *Abel E.* Op. cit. P. 286-287.

²¹ “...Philippus Valor, valoris et gratiae plenus, regique vestro omnium deditissimus, *Plotini textus commentariaque* regi transcribit, volumine regio (курсив мой – *O.K.*)” (*Ficinus M.* Satis ad unum scribit...// Ep. lib. IX. P. 896. 1).

²² См. в связи с этим: *Kristeller P.O.* De traditione operum Marsilii Ficini. P. 125-126.

²³ *Ficinus M.* Tideo procuratori // *Abel E.* Op. cit. P. 288. См.: *Huszti J.* Op. cit. Fasc. 3. P. 232-233; *Kristeller P.O.* De traditione... P. 126.

²⁴ См. ответ Фичино немецким гуманистам: *Ficinus M. Pro adolescentibus e Suevia missis ad academiam Florentinam* // Ep. lib. XI. P. 926. 3. Маловероятно, что “Флорентийской академией” в этом письме Фичино назвал университет своего города, к которому он не имел уже прямого отношения; скорее всего он вел речь о гуманистических школах и кружках, посещать которые должны были молодые немцы. О Рейхлине и Фичино см. также: *Geiger L. Johann Reuchlin. Sein Leben und seine Werke. Leipzig, 1871. S. 25, 29, 34; Marcel R. Op. cit. P. 534, 535; Brod M. Iohannes Reuchlin und sein Kampf. Stuttgart; Berlin, 1965. S. 53-60.* Неверно утверждение А.Н. Немилова (см. его кн.: *Немецкие гуманисты XV в. Л., 1979. С. 144*), будто Рейхлин встречался с Фичино в Риме – городе, в котором флорентийский платоник никогда не бывал.

²⁵ *Zeller W. Der Jurist und Humanist Martin Prenninger gen. Uranius (1450-1501). Tübingen, 1973. S. 18-20, 65-74.*

²⁶ *Ficinus M. Prooemium* // Ep. lib. IX. P. 893. 1.

²⁷ См. подробнее об этом: *Zeller W. Op. cit. S. 77-79.*

²⁸ *Ficinus M. Responsio petenti Platonicam instructionem et librorum numerum* // Ep. lib. IX. P. 899. 1. В тексте письма речь идет о работе позднеантичного платоника Альбина, которого в средние века именовали Алкиноом.

²⁹ *Ficinus M. Responsio desideranti natalem suum et reliqua* // Ep. lib. IX. P. 901. 2.

³⁰ *Idem. In librum de vita, de accepto dono* // Ep. lib. IX. P. 908. 5.

³¹ *Idem. Declaratio amoris amici* // Ep. lib. X. P. 912. 2.

³² *Idem. Prooemium in Apologos de voluptate* // Ep. lib. X. P. 921. 2. Фичино посвятил своему немецкому другу четыре из десяти апологий наслаждения (Ep. lib. X. P. 922, 925). См.: *Marcel R. Op. cit. P. 323.*

³³ *Ficinus M. Charitas et pietas potissimum est sapientis officium* // Ep. lib. XI. P. 926. 1; *Idem. Rationes negotiorum suorum amico reddendae* // Ibid. P. 928. 2.

³⁴ “Ioannes Streler ille vester, ac prope iam noster, legit mihi hodie partem epistolae ad se tuae, amoris erga nos ardentissimi plenam, qua praeterea

significabas te natalem nostrum, et doctorum coetu, et magnifico sumptu celebravisse” (*Idem. Gratiarum actio // Ep. lib. XI. P. 929. 3* (письмо датировано ноябрем 1491 г.).

³⁵ *Marcel R. Op. cit. P. 535.*

³⁶ См.: *Ep. lib. XI. P. 933, 937; XII. P. 949.* По мнению Р. Марселя (*Marcel R. Op. cit. P. 523-524*), Фичино встречался с Преннингером в апреле и июне 1492 г., когда немецкий посол ехал в Рим и обратно. 26 июня 1492 г. Фичино благодарил своего друга и покровителя Филиппо Валори, флорентийского посла в Риме, за великолепный прием, оказанный им вюртембергскому послу: ”*Martinus Uranius, alter ego, ad nos reversus narravit hodie, quam amice, quamque magnifice eum exceperis*” (*Ficinus M. Laudes amici scilicet Bindacii Recasolani // Ep. lib. XI. P. 932. 3*).

³⁷ *Ficinus M. Opiniones non temere divulgandae. Item Orphei carmina // Ep. lib. XI. P. 933, 935.*

³⁸ *Idem. Prooemium in compendium Proculi // Ep. lib. XI. P. 937-943.*

³⁹ *Idem. Catalogus familiarium atque auditorum // Ep. lib. XI. P. 936. 2.* Целлер насчитывает 90 персон в этом письме, вероятно, принимая иногда трех- или двухчастные имена за названия двух или трех разных лиц (*Zeller W. Op. cit. P. 72-73*).

⁴⁰ “*Iuvat una tecum mi Uranie vir coelestis coelestia saepe tractare*” (*Ficinus M. Saepe in coelestibus gemini sunt. Item Soles duo // Ep. lib. XII. P. 949-950*).

⁴¹ См. также: *Zeller W. Op. cit. P. 75.*

⁴² *Ficinus M. Laudes legitimi principis // Ep. lib. XI. P. 932. 4.*

⁴³ *Idem. Prooemium in comparationem Solis ad Deum // Ep. lib. XI. P. 944. 2.* См. об этом также: *Klibansky R. The continuity of the Platonic tradition during the Middle Ages. Outlines of a corpus platonicum medii aevi. London, 1939. P. 43-48.*

⁴⁴ См.: *Kristeller P.O. Introductio. P. CXI-CXIV.*

⁴⁵ “*Quamobrem si Germani comiter omnes mihi sunt germani, quid dicam de viris amicisque inter vos egregiis? De Martino Uranio amico coelesti?... Ac si*

Marsilium amas ama Martinum cognomine Pnyngerum [Praenyngerum], si me cupis amore quodam coelesti complecti, Uranium Amorem meum tota mente complectere...” (*Ficinus M.* Responsio pro dono argentei calicis // Ep. lib. XI. P. 924, 925).

⁴⁶ См.: *Georgius Herivart Augustinensis* Marsilio Ficino Platonico Epistola de dono argentei calicis // Ep. lib.. XI. P. 924. 2.

⁴⁷ *Ficinus M.* Menchen Sacerdoti Coloniensi praeclaro iuris canonici professori magni Coloniae antistitis secretario // Ep. lib. XII. P. 955. 3.

⁴⁸ *Idem.* Laudes seculi nostri tanquam aurei ab ingeniis aureis // Ep. lib. XII. P. 944. 3 (См. перевод О.Ф. Кудрявцева в кн.: Гуманистическая мысль итальянского Возрождения. М., 2004. С. 268-269).

⁴⁹ См.: SF. Vol. II. P. 306.

⁵⁰ *Gaguinus R.* Epistole et orationes. Ed. L. Thuasne. Paris, 1904. N 76; SF. Vol. II. P. 242.

⁵¹ *Renaudet A.* Préréforme et humanisme à Paris pendant les premières guerres d’Italie (1494-1517). Paris, 1916. P. 135-145.

⁵² *Vasoli C.* Sugli inizi della fortuna di Ficino in Francia: Germain et Jean de Ganay // Les cahiers de l’humanisme. Vol. II. Marsile Ficin ou les mysteres platoniciens. Actes du XLII Colloque international d’Etudes Humanistes. Tours, 1999 (P. 299-312). P. 300.

⁵³ *Renaudet A.* Un problème historique: la pensée religieuse de Jacques Lefèvre d’Étaples // Medioevo e Rinascimento. Studi in onore di Bruno Nardi. Firenze, 1955. Vol. II (P. 621-650). P. 631; *Vasoli C.* Op. cit. P. 301.

⁵⁴ *Renaudet A.* Un problème historique... P. 631; *Vasoli C.* Op. cit. P. 301.

⁵⁵ “Curavit libenter qua valuit diligentia Faber Stapulensis ex vitiato exemplari hoc opus reddere castigatum: tum amore Marsilii (quem tanquam patrem veneratur), tum Mercurii sapientie magnitudine promotus” (*Mercurius Trismegistus.* Liber de potestate et sapientia Dei. Parisiis, 1494. Sig. eIIIr).

⁵⁶ *Idem.* Pimander. Asclepius. Crater Hermetis Lazarelo Septempedano. Parisiis, 1505.

⁵⁷ См.: *Kristeller P.O.* Introductio // SF. Vol. I. P. LVII-LVIII, CXXX-CXXXI; *Vasoli C.* Op. cit. P. 301; *Йеймс Фр.А.* Джордано Бруно и герметическая традиция. М., 2000 (1 изд. на английском языке – 1964 г.). С. 160.

⁵⁸ См.: SF. Vol. II. P. 236. См. в этой связи: *Walker D.P.* The “Prisca Theologia” in France // JWCI. 1954. Vol. XVII. N 3-4 (P. 204-259). P. 217-221, 253-255; *Tigerstedt E.N.* The decline and fall of the Neoplatonic interpretation of Plato. Helsinki, 1974. P. 26-27; *Кудрявцев О.Ф.* Богословские искания и философия культуры ренессансного неоплатонизма // Религии мира. 1989-1990. М., 1993 (С. 46-63). С. 60. Сн. 45.

⁵⁹ “Salve igitur iterum dilectissime mi Germane, quem mihi re vera germanum communis peperit Philosophia mater” (*Ficinus M.* Sapientes filii sunt Minervae, haec Philosophiam parit, Philosophia Philosophos // Ep. lib. XII. P. 957. 2).

⁶⁰ Ibid.

⁶¹ *Ficinus M.* Multifaciendum est laudari a laudato viro // Ep. lib. XII. P. 960. 2.

⁶² *Ficinus M.* Gratulatio pro literis diu expectatis // Ep. lib. XII. P. 963. 2. См. также: *Marcel R.* Op. cit. P. 547; *Vasoli C.* Op. cit. P. 305-306.

⁶³ См. письма к Жану де Гане и Паоло Эмили: *Ficinus M.* Pro libro de Sole // Ep. lib. XII. P. 964. 2; *Idem.* Pro libro de Sole // Ep. lib. XII. P. 964. 3. См. также: *Marcel R.* Op. cit. P. 548; *Vasoli C.* Op. cit. P. 308.

⁶⁴ *Ficinus M.* De Iove amicabili et Apolline pro libro de Sole. Oratio ad Ioannem Matheronem magni Gallorum regis inclytum oratorem // Ep. lib. XII. P. 959. 4.

⁶⁵ *Ficinus M.* Oratio ad Carolum magnum Gallorum regem // Ep. lib. XII. P. 960-961.

⁶⁶ Об этом см.: *Vasoli C.* Op. cit. P. 307, 308.

⁶⁷ *Kristeller P.O.* Introductio. Vol. I. P. CXXXII; *Vasoli C.* Op. cit. P. 308.

⁶⁸ *Ficinus M.* Ad Germanum Ganaiensem // SF. Vol. II. P. 92-93.

⁶⁹ В кратком предисловии сказано: “Ego igitur ut te propter acebrum Politiani Picique virorum excellentium obitum moerentem pro viribus consolarer, statui ad te mittere quae ex libro Athenagorae Atheniensis philosophi excerpti interpretatus e Graeco” (*Ficinus M. Athenagorae de resurrectione excerpta ad Germanum Ganaiensem* // Op. om. P. 1871).

⁷⁰ *Ficinus M. dilectissimo Germano* // SRTL. P. 96-97. См. русский перевод О.Ф. Кудрявцева в кн.: Гуманистическая мысль итальянского Возрождения. Переводы с латинского и итальянского. М., 2004. С. 269-270. См. также: *Kristeller P.O. The scholastic background of Marsilio Ficino* // SRTL (P. 35-101). P. 50-54; *Vasoli C. Op. cit.* P. 308-311.

⁷¹ *Marcel R. Marsile Ficin.* P. 535.

⁷² См. подробнее: *Idem. Les découvertes d’Erasmus en Angleterre* // *Mélanges Renaudet.* Genève, 1952 (P. 117-126). P. 119-120; *Осиновский И.Н. Томас Мор: утопический коммунизм, гуманизм, Реформация.* М., 1978. С. 58.

⁷³ “Floruerunt nostra aetate Florentiae bonae disciplinae cui rei testes sunt nobis eruntque posteritati Marsilius Ficinus solus sua aetate Platonem moribus et doctrina imitatus...” (Цит. по: *Marcel R. Marsile Ficin.* P. 248. N 2).

⁷⁴ *Jayne S. John Colet and Marsilio Ficino.* Oxford, 1963. P. 16-21.

⁷⁵ *Miles L. John Colet and the Platonic tradition.* London, 1961.

⁷⁶ См.: *Lupton J.H. A life of John Colet.* London, 1909 (1 изд. – 1887). P. 51-55; *Marcel R. Les découvertes d’Erasmus en Angleterre.* P. 122; *Осиновский И.Н. Указ. Соч.* С. 58.

⁷⁷ См.: *Jayne S. Op. cit.* P. 17-20.

⁷⁸ *Ibid.* P. 20, 82.

⁷⁹ *Ibid.* P. 20, 82.

⁸⁰ Текст письма см.: *Ibid.* P. 81.

⁸¹ *Marcel R. Marsile Ficin.* P. 575. N 2.

⁸² Эти маргиналии опубликованы в кн.: *Jayne S. Op. cit.* P. 84-132.

⁸³ *Ibid.* P. 49, 50.

⁸⁴ Ibid. P. 18, 19.

⁸⁵ “Te ipsum si iam videre et cernere potero, beatus erro [=ero]. Spe vivo videndi tui...Hunc annum tua epistola me tenuisti (=tenuisti] in vita. Ei alteram adde...”
(текст письма см.: Ibid. P. 82)

⁸⁶ См. текст этого письма: Ibid. P. 82, 83.

⁸⁷ “Coletum meum cum audio, Platonem ipsum mihi videor audire” (*Erasmus Roterdamus D. Opus epistolarum*. Ed. P.S. et H.M. Allen. Oxonii (1906-1958; T. I-XII), 1906. T. I. N 118. P. 273-274).

⁸⁸ О новозаветной экзегезе Колета, о влиянии на нее итальянских платоников и проблемы ее датировки см.: *Seebohm Fr.* The Oxford reformers. John Colet, Erasmus and Thomas More. London, 1869. P. 29-42; *Duhamel P.A.* The Oxford lectures of John Colet: an essay in defining the English Renaissance // *JHI*. 1953. Vol. 14. N 4. P. 493-510; *Jayne S.* Op. cit. P. 29-55; *Григорьева И.Л.* Оксфордский гуманизм рубежа XV-XVI вв. и контакты с ним Эразма // *Университеты Западной Европы. Средние века. Возрождение. Просвещение.* Иваново, 1980 (С. 80-94). С. 85-87.

⁸⁹ *Coletus J.* Epistolae B. Pauli ad Romanos Expositio. IV // *Opuscula quaedam theologica*. Ed. J.H. Lupton. London, 1966 (P. 197-281). P. 259, 260; *Idem.* De corpore Christo Mystico // Ibid. (P. 185-197). P. 185-187 (1 изд. – 1876 г.).

В идейном наследии Колета и Фичино есть и другие черты сходства, заслуживающие внимания. По мнению Л. Майлза, на Колета также оказали влияние концепция любви как связующей силы универсума, как средства, преобразующего любящего в объект его любви, интерпретация оправдания в понятиях взаимной любви между человеком и Богом и некоторые иные положения главы флорентийских платоников (*Miles L.* Op. cit. P. 168, 169 и в др. местах).

⁹⁰ См. подробнее: *Кудрявцев О.Ф.* Ренессансный гуманизм и “Утопия”. М., 1991. С. 125, 152-154.

⁹¹ См. о нем работы: *Uzielli G.* Filippo Buonaccorsi, Callimaco Esperiente di San Gimignano // *Miscellanea storica della Valdelsa*. 1898. Vol. VI. P. 114-136; 1899. Vol. VII. P. 81-112; *Забугин Вл.* Юлий Помпоний Лэт. Критическое исследование. СПб., 1914. С. 22-29 и далее; *Kieszkowski B.* Filippo Buonaccorsi detto Callimaco e le correnti filosofiche del Rinascimento // *GCFI*. 1934. Vol. XV. P. 281-294; *Caccamo D.* Buonaccorsi Filippo // *DBI*. 1972. Vol. 15. P. 78-83.

⁹² См.: *Domanski J.* La fortuna di Marsilio Ficino in Polonia nei secoli XV e XVI // *MFRP* (P. 565-567). P. 566-567.

⁹³ О вариантах датировки этой переписки см.: *Черняк И.Х.* Polemica между Филиппом Каллимахом и Марсилио Фичино // *Гуманизм и религия*. Л., 1980 (С. 93-106). С. 94-96.

⁹⁴ *Ficinus M.* Quomodo singuli angelos custodes habeant // *Ep. lib. VIII*. P. 865-866.

⁹⁵ Appellando me conplatonicum preclusisti mihi aditum tendendi contra scripta tua, que non ex Platonis inventis educta sed ab ipso penitus prolata [probata?] videntur” (*Callimachus*. Libellus de daemonibus ad Ficinum // *SF*. Vol. II (P. 225-228). P. 225).

⁹⁶ Ibid. P. 226-228. Подробнее о полемике Фичино и Каллимаха см.: *Radetti G.* Demoni e sogni nella critica di Callimaco Esperiente al Ficino // *Umanesimo e esoterismo*. Padova, 1960 (P. 111-121). P. 112-116; *Garin E.* La cultura filosofica del Rinascimento italiano. Firenze, 1979. P. 281-282; *Черняк И.Х.* Указ. соч. С. 97-101; *Domanski J.* Op. cit. P. 568-569; *Смирнова Т.И.* Переписка Каллимаха Эсперiente с Марсилио Фичино и Джованни Пико делла Мирандола // *Вестник Московского университета. Серия 8. История*. 1993. N 1 (С. 18-28). С. 21-24.

⁹⁷ *Ficinus M.* Excusatio quando brevius respondetur amicis // *Ep. lib. VIII*. P. 870. 5.

⁹⁸ *Callimachus*. Epistola ad Ficinum // *SF*. Vol. II. P. 224, 225. В письме какое-то недоразумение: либо Каллимах не знал, что сочинения Платона в переводе

Фичино увидели свет в конце 1484 г., что выглядит странным, либо произошла описка или опечатка и вместо Плотина, над которым Фичино работал в тот момент, появилось имя Платона.

⁹⁹ Каллимах подарил Фичино “*veste pellicea ex marturis, et item donavit illi parvam vestem pelliceam ex pelle cuiusdam avis et gladium cuius ansa erat ex cornu cuiusdam animalis lapidi jaspidi similis, munus quidem pulcherrimum, nec non et unum calciamentorum ex corio scytico*” (SF. Vol. II. P. 225).

¹⁰⁰ “*Nam cum scribo ad te nil aliud quero quam doceri. Itaque adeptus est tibi labor docendi, mihi vero discendi occasio*” (*Callimachus Ph. Epistola ad Ficinum* // SF. Vol. II. P. 228-229). О Латтанцио Тедадьди см.: Юсим М.А. Семейство Тедадьди и его связи с Россией // Россия и Италия. М., 1993 (С. 84-95). С. 87-90.

¹⁰¹ *Ficinus M. In ignem omnia resolvenda secundum Orpheum* // Ep. lib. VIII. P. 891. 2.

¹⁰² Подробнее в связи со сказанным см.: *Domanski J. Op. cit. P. 567-568.*